



«Мутация» японских представлений о чести при столкновении с Западом

Михалевская Екатерина Олеговна

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина,
кафедра новой и новейшей истории, IV курс

Михалевская Е. О. «Мутация» японских представлений о чести при столкновении с Западом. Статья посвящена проблеме развития понятий о чести в Японии в период её политической и социальной модернизации. Особое внимание в исследовании уделено роли влияния западных стран в процессе трансформаций традиционных представлений о чести.

Ключевые слова: Япония, честь, менталитет, Запад.

Міхалевська К. О. «Мутація» японських уявлень про честь при зіткненні з Заходом. Стаття присвячена проблемі

розвитку понять про честь в Японії в період її політичної та соціальної модернізації. Особлива увага в дослідженні направлена на роль впливу західних держав в процесі трансформації традиційних уявлень про честь.

Ключові слова: Японія, честь, менталітет, Захід.

Mikhalevska Katerina. «Mutation» of Japanese concepts of honor at collision with the West. The article is devoted to the development of concepts of honor in Japan during her political and social modernization. Particular attention is paid to the role of Western country's influence to the process of transformation traditional concepts of honor.

Keywords: Japan, honor, mentality, West.

Япония, несмотря на своё стремительное экономическое и технологическое развитие, во многом всё ещё остаётся достаточно традиционным обществом. В первую очередь это проявляется в системе отношений между людьми. Можно смело говорить о противоборстве двух тенденций в современной Японии: одна предполагает следование традиционной модели поведения в социуме, другую же характеризует ориентирование на принципы евроатлантической цивилизации, которая в данном исследовании предстаёт под обобщённым названием «Запад». Именно цивилизационное столкновение с Западом – будь то принуждение к «открытию Японии» или же американская оккупация после Второй мировой войны, были факторами, которые дали импульс для развития политической и экономической модернизации Японии, но в то же время деформировали традиционный уклад общественных отношений в Японии, в том числе и в вопросах связанных с понятиями о чести.

Стоит отметить, что степень изученности японского менталитета в целом достаточно высокая, но при этом отсутствуют отдельные работы посвященные понятиям о чести и их трансформации в глобализационных процессах современ-

ности. Классическим трудом о быте японцев является книга В. В. Овчинникова [11]. Однако в этой книге, как и в большинстве других, понятия о чести в Японии находятся на периферии исследования. Фрагментарно проблему исследования затрагивают в своих статьях Н. Л. Богомазова [2], А. И. Денисова [6] и А. Н. Мещеряков [10]. В своей работе автор стремился на основе имеющейся историографии и источников провести более глубокий анализ понятий о чести и пути их условной «мутации» под натиском внешних факторов. Хронологически рамки исследования охватывают период с XVII в. – периода традиционных понятий о чести до современности. Хронологические рамки обусловлены стремлением автора продемонстрировать глубокую преемственность японских культурных идентификаторов, несмотря на технологическую и политическую модернизацию японского общества.

Говоря о понятии чести в японском обществе, прежде всего, стоит отметить, что в японском языке отсутствует слово, которое можно перевести как «честь». Наиболее близким понятием является принцип «гири» – стремление избегать прямой конфронтации. Он означает, что нельзя допускать, чтобы побежденный «потерял лицо», предстал перед окружающими униженным и оскорбленным. Ориентация на социум является одной из отличительных черт японского общества в отличие от европейского с господством индивидуализма. Это вызвано особыми условиями исторического развития характерными не только для Японии, но также и для Китая и Кореи [1, с. 38]. Однако стоит отметить, что в Японии индивидуализм развит сильнее, чем в Китае, но всё же значительно слабее, чем в западных обществах.

Понятия близкие с «честью» в Японии традиционно связываются с кодексами самураев, как наиболее яркими примерами. Большинство исследователей связывают кодексы самураев со сборником комментариев самурая Ямамото Цунэтомо. Данное произведение начала XVIII в., получившее название Хакагурэ [8, с. 128] («Сокрытое в листе») практически стало

посланием каждому воину. Его влияние невозможно переоценить, поскольку и по сей день японские радикально настроенные политические деятели приводят Хакагурэ как пример для истинного воина. Трактат о бусидо – кодексе чести самурая предполагает, что воин должен быть готов умереть в любой момент, дабы не посрамить свою честь. С этим же связан и обряд сэппуку – харакири, который проводился с целью сохранить своё доброе лицо в глазах японского традиционного общества. При этом можно поставить под сомнение тот факт, что Хаканурэ отражало реальное состояние вещей в Японии, и не было лишь идеологическими изысканиями.

Бусидо ставило выше всего преданность, однако, во время борьбы за власть между даймё самураи неоднократно переходили на службу к другому князю. Более того, зачастую самураи служили за рисовый паёк, и в данном контексте сложно с уверенностью говорить о степени преданности наёмных воинов. Хакагурэ стало активно публиковаться уже в 30-е гг. XX века, в период прихода к власти в Японии военных и курса страны на милитаризацию и новые захватнические войны [4, с. 68]. Таким образом, тот контекст, в котором свод Хакагурэ обрёл популярность, позволяет судить о том, что «Сокрытое в листе» использовалось как один из инструментов политического влияния и понятия о чести играли в этом не последнюю роль. Известная японская пословица «Самурай холоден, как его меч, хотя и не забывает огня, в котором этот меч был выкован» как нельзя точно описывает японское общество, в котором самообладание и сдержанность считаются первыми признаками храбрости и воинской чести [6, с. 26].

Стоит отметить, что «открытие» Японии Соединёнными Штатами в 1853 г. и последовавшие за этим неравноправные договоры, по мнению ряда исследователей, зародили в японском обществе довольно таки упаднические настроения. Это было связано не в последнюю очередь с предубеждениями иностранцев относительно японцев. Возлагая на себя «бремя белого человека» европейцы и американцы, на дипломатиче-

ском уровне воздая все почести Японии, в реальности относились к японцам снисходительно [10, с. 33]. Это породило стремление среди японцев «сохранить лицо» перед иностранцами и не допустить практические полного подчинения, как это произошло с Китаем.

Трансформация японских понятий о чести произошла в конце XIX – начале XX века. Это было связано со стремительными успехами Японии, как в промышленном развитии, так и ряде удачных войн, прежде всего с Китаем. Именно конец XIX – начало XX века является наиболее активной фазой складывания особого японского национализма, который тоже можно отнести к своеобразным проявлениям чести. Так, в Японии полагали, что китайцы и корейцы, против которых велись войны и репрессии вплоть до середины XX века, не являются равными японцам, а Азиатский регион должен управляться исключительно Японией [4, с. 109; 5, с. 135]. Особенного внимания заслуживает эпизод, произошедший во время обсуждения законов в США относительно ограничения японской миграции в 1908 г. Японские представители назвали «оскорблением чести» то факт, что американская администрация намеревалась установить для японцев те же миграционные нормы, что и для китайцев. Данный факт может ярко свидетельствовать о том, что в этот период понятия о чести в Японии включали в себя как некий элемент кодекса бусидо – относительно военной чести и верховенства Японии среди других азиатских государств, так и тот самый принцип «гири» – о гармонии внутри японского общества. При этом показательно, что именно в этот период Англия, США, Германия и Франция стали относиться к Японии как к действительно новой «великой державе» [12, р. 203]. Это было продиктовано, прежде всего, военными успехами Японии, которые были предметом национальной гордости.

Как уже говорилось, с укреплением у власти в Японии военных кругов в 30-е гг. XX века, в обществе доминировали тенденции связанные именно с военными представлениями

о чести, в то время как принцип гири, хоть и неуклонно соблюдался, но всё же был отодвинут на второй план. Популяризация Хакагурэ соответствовала стремлениям японского правительства подготовить общество к войне в Китае и против США. Нельзя отрицать, что и феномен камикадзе – лётчиков, добровольно шедших на смерть, тоже прямо связан с японскими представлениями о чести, почерпнутыми из самурайских кодексов [4, с. 301]. При этом не стоит считать, что данные понятия характерны исключительно для Японии: смерть на войне имеет особое значение как в западноевропейских, так и славянских традициях и является неотъемлемой частью военной чести, распространенной в наиболее разнообразных культурах мира. Однако именно в Японии воинская честь стала культом практически на государственном уровне. Следствием этого стала волна самоубийств среди японских военных и политиков после того как император Хирохито в 1945 г. отказался от божественного происхождения своей власти [13, р. 172]. В обществе это было расценено как посягательство на основы японской государственности, а реформы американской оккупационной власти в ещё большей степени «ранили честь» японской нации. Это вылилось и в партизан-одиночек, которые, несмотря на капитуляцию Японии, продолжали вооружённое сопротивление. Наиболее известным примером этого является Хироо Онода, который до 1975 г. продолжал партизанскую деятельность на Филиппинах. Более того, именно в период американской оккупации в полной мере реализуется принцип «по выступающей шпале молотком бьют», в котором проявляются элементы понятий гири относительно общественного равенства в целях гармонии. При этом стоит отметить, что слово «аригато», которое традиционно переводится как «спасибо», буквально означает «Вы ставите меня в неловкое положение» [6, с. 24]. Данная черта японского менталитета сохраняется до сих пор – для японца чья-то помощь является свидетельством его собственной слабости, а следовательно прямо задевает честь.

Одним из наиболее ярких проявлений чести, связанной с самурайскими принципами стала попытка захвата государственной власти Юкио Мисимой. Мисима был трижды номинирован на Нобелевскую премию и олицетворял для Запада послевоенную японскую литературу. Он в полной мере сочетал в себе западный индивидуализм и восхищение самураями и камикадзе. В 1970 г. Юкио Мисима с членами «Общества щита» во время визита на базу сухопутных войск призвал солдат свергнуть правительство и восстановить полную власть императора [14, р. 278]. Однако солдаты полностью проигнорировали этот призыв – это свидетельствовало о том, что японское общество после трагического поражения во Второй мировой войне предпочло отказаться от военной чести как понятия определяющего государственную политику. Неудача замысла Юкио Мисимы привела к тому, что он совершил харакири на глазах множества солдат. На Западе он стал практически «последним самураем», олицетворив в себе всю противоречивость послевоенной Японии.

Таким образом, менталитет японцев, наряду с понятиями о чести, переживал лишь внешнюю «мутацию», в то время как его основа оставалась нерушимой и не менялась на протяжении веков. Это, в целом, характерно для всей японской цивилизации, которая всегда отличалась особой восприимчивостью к заимствованиям, сумев при этом сохранить свою самобытность. Японию называют «Европой, причалившей к берегам Китая», и в современных условиях стратегического партнёрства с Соединёнными Штатами данная точка зрения находит своё подтверждение. Однако, несмотря на то, что Япония в значительной степени выбивается из системы дальневосточных цивилизаций, её нельзя рассматривать в отрыве от культурных процессов в Китае, поскольку многие элементы строя (особенно в средневековье) Япония заимствовала именно из Поднебесной. Можно смело говорить о том, что особые понятия о чести, как и в целом японский менталитет, являются результатом заимствования из различных культур и цивилизаций.

В современности, в условиях всеобъемлющей глобализации, не только в Японии, но и во всём мире наблюдаются процессы, как нивелирования национальной идентичности, так, и с другой стороны, стремление в полной мере сохранить национальные особенности. В Японии, в вопросах связанных с традиционной трактовкой чести, это проявляется, прежде всего, в деятельности отдельных националистических групп, которые протестуют против «американского протектората над Японией». При этом, крайне слабая общественная поддержка таких протестов ярко свидетельствует о том, что всё-таки понятия о военной чести окончательно потеряли популярность в японском обществе. В это же время, принцип «гири» наоборот всё ещё остаётся центральным в поведении японцев. Это проявляется и в широком распространении самоубийств (особенно среди японской молодёжи) в лесу Аокигахара у подножья горы Фудзи – в этом удивительным образом сочетается традиционное желание японцев не причинять окружающим неудобств (даже своей смертью) и самурайский принцип о принятии смерти в случае посрамления чести.

Таким образом, можно смело говорить о том, что понятия чести, как и в целом, японский менталитет, несомненно, трансформировались под воздействием западного мира: это проявлялось как в ходе откровенно агрессивных действий, так и результате воздействия так называемой «мягкой силы», когда Япония сама стремилась перенять отдельные черты евроатлантической цивилизации. В то же время эти изменения затронули лишь поверхность, в то время как основа мировоззрений японцев, особенно в понятиях близких к чести, характеризуется вековой незыблемостью. В сочетании с взаимодействиями в процессах политической и экономической модернизации традиционность общественных отношений позволяет говорить об уникальности японского образа жизни.

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Западно-восточные размышления, или о несходстве сходного / С. С. Аверинцев // Восток-Запад. – М.: Наука, 1988. – С. 37–39.
2. *Богомазова Н. Л.* Отражение философии кодекса чести «бусидо» в японском менталитете: традиции и современность / Н. Л. Богомазова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1. – С. 3–9.
3. *Васильева Е. Б.* Проблемы культурной идентификации японцев в эпоху Мэйдзи (1868–1912) глазами европейцев / Е. Б. Васильева // Известия Восточного института. – 2002. – № 6. – С. 49–63.
4. *Верисоцкая Е. В.* Идеология японского экспансионизма в Азии в конце XIX – начале XX века / Е. В. Верисоцкая. – М., 1990.
5. *Верисоцкая Е. В.* Российская и японская интеллигенция XIX века о проблемах европеизации / Е. В. Верисоцкая // Известия Восточного института. – 1994. – № 1. – С. 130–139.
6. *Денисова А. И.* Культурные предпосылки японской сдержанности / А. И. Денисова // Аналитика культурологии. – 2012. – № 23. – С. 24–28.
7. *Иэмагава Сабуро.* История японской культуры / Пер. с японского. – М., 1972.
8. *Кодекс бусидо.* Хагакурэ. Сокрытое в листве / Пер. с японского. – М., 2004.
9. *Королёва М. М.* Характеристика норм о преступлениях против чести и достоинства по уголовному законодательству Японии / М. М. Королёва // Бизнес в законе. – 2012. – № 2. – С. 68–71.
10. *Мещеряков А. Н.* Самоидентификация японцев в отношениях с Западом и приемы преодоления национальных комплексов / А. Н. Мещеряков // Историческая психология и социология истории. – 2009. – № 2. – С. 27–41.
11. *Овчинников В. В.* Ветка сакуры. Рассказ о том, что за люди японцы / В. В. Овчинников. – М., 1975.

12. *Shimazu Naoko*. Japan, race and equality. The racial equality proposal of 1919 / Naoko Shimazu. – London, 2009.
13. *Shimazu Naoko*. Nationalisms in Japan / Naoko Shimazu. – London, 2006.
14. *Stokes H. S.* The Life and Death of Yukio Mishima / H. S. Stokes. – London, 1975.